УДК 82.09.

DOI 10.17223/19986645/19/7

В.С. Киселев

**«...ЧТОБЫ В РОССИИ ЗАВЕДЕНА БЫЛА АЗИАТСКАЯ
АКАДЕМИЯ»: «PROJET D'UNE ACADEMIE ASIATIQUE»
С.С. УВАРОВА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА¹**

Статья посвящена месту «Проекта Азиатской академии» С.С. Уварова в становлении российского востоковедения. В контексте культурно-политических движений эпохи выявляются идеологические и научные установки уваровского замысла. Особое внимание посвящено переводу «Проекта», предпринятому В.А. Жуковским для «Вестника Европы». Прослеживается рецепция идей С.С. Уварова в европейской и русской культурной среде начала XIX в.

Ключевые слова: ориентализм, русская литература, С.С. Уваров, В.А. Жуковский.

«Projet d'une Académie Asiatique» («Проект Азиатской академии»), вышедший без обозначения имени автора в Санкт-Петербурге в 1810 г., был создан Сергеем Семеновичем Уваровым (1786–1855). Эта работа родилась на стыке дипломатических занятий Уварова и его ориентальных интересов. Начав в 1801 г. службу в коллегии иностранных дел, в 1806 г. он был прикомандирован к русскому посольству в Вене, а в 1809 г. назначен секретарем посольства в Париже. Широкие познания в гуманитарной сфере позволили Уварову познакомиться со многими представителями литературы и науки, среди которых были братья А.Ф.Г. и Ф.В. Гумбольдты, И.Г. Гете, И.Г. Герман, Ф. Шлегель, Ж. де Сталь и др. Вена и Париж, где служил Уваров, были признанными центрами европейского ориентализма, здесь существовали училища восточных языков, которые были приняты за ориентир в его «Проекте».

Бурное развитие востоковедения в Европе, в частности во Франции (школа С. де Саси), подстегнул египетский поход Наполеона (1799), ставший ответом на окончательное утверждение англичан в Индии в конце XVIII – начале XIX в. Успех колониальной политики был невозможен без изучения покоряемых азиатских стран. Обилие материалов о культуре, религии и истории Востока, соединившись с популярными идеями И.Г. Гердера о национальной самобытности, породило целый ряд открытий в области языка, литературы, мифологии, ставших основой новых отраслей науки (сравнительного языкознания, сравнительной мифологии и др.). На Уварова, хорошо знакомого с европейским интеллектуальным увлечением Востоком, наибольшее влияние оказали концепции И.Г. Гердера («Über der Ursprung die Sprache», «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» и др.), Ф.В. Гумбольдта («Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts») и Ф. Шлегеля («Über die

¹ Статья подготовлена при финансовом содействии гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых МД-3069.2011.6.

Sprache und Weisheit der Indies»). В особенности глубоко было воздействие последнего, представившего Восток колыбелью индоевропейской цивилизации. Его книгу Уваров всячески пропагандировал: «Я послал Н.М. Карамзину Шлегеля книгу о Индии, которую я вам советую прочитать» (письмо к В.А. Жуковскому от 21 апреля 1811 г. [1. С. 0158]).

В 1810 г. Уваров оставил дипломатическую службу, надеясь продолжить карьеру в сфере науки и просвещения, для чего требовалась громкая заявка. Ею и выступил «Projet d'une Académie Asiatique», к составлению которого Уваров, не являвшийся профессиональным ориенталистом (на ограниченную его компетентность в вопросе указывал в личном письме автору Ж. де Местр), привлек двух крупных специалистов – Генриха Юлиа Клапрота и Игнаца Аврелия Фесслера. Г.Ю. Клапрот (1783–1835), известный немецкий ориенталист, был приглашен в 1804 г. адъюнктом по восточным языкам и словесности в российскую Академию наук. В 1805 г. он сопровождал графа Ю.А. Головкина, отправлявшегося послом в Китай, но в связи с неудачей посольства вернулся и, по поручению академии, продолжал свои исследования об азиатских народностях на Кавказе. В Петербурге Клапрот опубликовал «Archiv für die asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde» (1810). И.А. Фесслер (1756–1839), тоже немец, в прошлом иезуит, в 1784 г. принял кафедру восточных языков и ветхозаветной герменевтики в Львовском университете, потом преподавал в Бреславле и Берлине. В 1809 г. он получил кафедру восточных языков и философии в Санкт-Петербургской духовной Александро-Невской академии. Вскоре после опубликования «Проекта» Фесслер был заподозрен в атеизме и в ходе кампании, закончившейся запрещением деятельности иезуитов в России, был отстранен от должности и отправлен в ссылку. Клапрот готовил для «Проекта» материалы по китайской культуре, а также консультировал по философии, языкам и литературе Азии в целом, Фесслер отвечал за сферу «библейской археологии» (история, культура, язык древних евреев). Уваров выступал генератором концептуальных идей, им была создана основная теоретическая часть работы.

Помимо пропаганды новых научных достижений, «Проект» преследовал и идеологические цели. Пребывание в Австрии и Германии времени наполеоновских походов, инициировавших взлет немецкого патриотизма, показало Уварову значимость национально объединяющих идей. Образцом их воплощения в цельную программу народного просвещения выступала деятельность Ф.В. Гумбольдта, дипломата и директора департамента просвещения и исповеданий Пруссии, по инициативе которого в 1810 г. был основан Берлинский университет, где собрались такие светила, как И.Г. Фихте, Ф.Д. Шлейермахер, Б.Г. Нибур, Ф.А. Вольф и др. Несостоявшееся открытие Азиатской академии получило с этой точки зрения эквивалент в основании Санкт-Петербургского педагогического института (затем университета) с отделением восточных языков и литературы (1816–1818 гг.).

Подобное соединение дипломатии и науки для Уварова являлось частью модернизационного проекта, отражавшего как ближайшие потребности империи, так и долгосрочные. Актуальным контекстом «Проекта» выступала послезэрфуртовская ориентация на наполеоновскую Францию, интенсивно искавшую выходы на Восток (миссия генерала Гарданна в Персии в 1807–

1808 гг.) и желавшую ослабления английского влияния. Те же задачи стояли и перед Россией, только что укрепившейся в Грузии (1801–1804 гг.) и стремившейся усилить свои позиции в Закавказье, а также на Дальнем Востоке (неудачная миссия графа Ю.А. Головкина), где соперником вновь выступала Англия. Изучение азиатских соседей, подготовка специалистов-востоковедов, квалифицированных переводчиков являлось залогом успешного выполнения этих задач и в более отдаленной, стратегической перспективе. В письме к М.М. Сперанскому от 1 декабря 1819 г. Уваров подчеркивал: «Распространение восточных языков должно произвести и распространение здравых понятий об Азии в ее отношении к России. Вот поприще огромное, еще не озабоченное лучами разума, целое поле славы неприкосновенной, источник новой национальной политики» [2. С. 188].

Осознавая идеологическую значимость своего «Проекта», Уваров принял активные действия по его пропаганде. В частности, он разослал экземпляры ведущим востоковедам и дипломатам Франции и Германии, одним из читателей «Проекта» стал Наполеон, который, сочтя документ политически и практически интересным, предложил обсудить его Академии наук. «Проект» получил одобрение и у Александра I, передавшего через великую княгиню Екатерину Павловну, что он «делает честь автору» (цит. по: [3. С. 137]).

Способом, позволившим усилить влияние, стали переводы, предпринятые по инициативе Уварова. Немецкий перевод «Проекта» был подготовлен самим автором и опубликован в Санкт-Петербурге (*Ideen zu einer Asiatischen Akademie. S.-Ptsb.*, 1811). Русский перевод – под заглавием «Мысли о заведении в России Академии Азиатской» – осуществил В.А. Жуковский. 4 декабря 1810 г. он сообщал А.И. Тургеневу: «Прожект Уварова я прочитал и прошу тебя сказать ему от меня усердную благодарность за доставление этой книги. <...> Прожект будет переведен для “Вестника”, ибо он может составить в нем очень любопытную статью; но замечаний на него делать не стану и не могу, ибо эта часть – как и весьма, весьма многие – неизвестна мне совершенно» [4. С. 81, 83]. По этим словам можно предполагать, что Уваров просил снабдить перевод замечаниями. Работа над переводом продолжалась в течение декабря 1810 г., при том что, очевидно, Жуковского просили поторопиться, скорее всего, дабы перевод предварил для широкой публики назначение Уварова попечителем Санкт-Петербургского учебного округа в январе 1811 г. Так, 22 декабря 1810 г., отвечая А.И. Тургеневу, Жуковский оговаривал: «Projet Уварова напечатан будет в 1 № Генваря месяца. Прежде невозможно» [4. С. 88]. Перевод был произведен с небольшими сокращениями, в частности было снято краткое посвящение А.К. Разумовскому, министру народного просвещения, непосредственному начальнику и тестю Уварова.

На этом история перевода не закончилась. Развивая успех, Уваров в письме Жуковскому от 21 апреля 1811 г. предложил напечатать его отдельной книжкой: «Я, в полном уверении, что Вы, поместив меня в число друзей ваших, тем самым дали мне право считать на ваше расположение, покорно прошу вас дозволить перепечатать здесь вновь прекрасный перевод ваш Проекта Азиатской Академии. Ноты и дополнения, которые вам поместить нельзя было, постараемся мы вместе с Тургеневым прибавить. Многие изъявили

желание иметь полный перевод на русском языке, и я не могу лучше отвечать требованию их, как познакомить с переводом вашим. Едичия будет хорошая, и я надеюсь, что вы оною довольны будете» [1. С. 0158]. Предложение дополнялось перспективами карьерного роста – местом профессора будущего Санкт-Петербургского педагогического института – и выступало частью уваровского проекта консолидации молодой интеллектуальной элиты империи.

4 мая 1811 г. Жуковский отвечал: «На предлагаемое Вами перепечатание моего перевода соглашаюсь с большим удовольствием: желал бы только, чтобы Вы или Тургенев взяли на себя труд его пересмотреть и в некоторых местах исправить: я переводил поспешно, ибо должен был кончить в срок, для напечатания в первых №№ «Вестника»; я уверен, что в нем довольно найдется ошибок или худых оборотов. Я сам охотно взял бы на себя эту поправку, но не знаю, к которому времени нужно ее кончить; если время терпит, то прошу Вас покорно меня уведомить: я поспешу доставить Вам экземпляр, сколько можно исправленный, и этот труд возьму на себя с большим удовольствием, ибо он дает мне случай сделать что-нибудь Вам приятное; назначьте только срок, к которому все надобно изготовить» [5. С. 10–11]. Тем самым соглашение было достигнуто, что и подтвердил Уваров: «Я вас сердечно благодарю за позволение перепечатать перевод ваш и за предложение взять на себя то, что вы называете переправку оною. – Доставлением экземпляра переправленного совершенно меня обяжете; срока за тем не назначаю, что я на ваше ко мне дружеское расположение считаю» (15 мая 1811 г. [1. С. 0158–0159]).

Однако повторная публикация так и не состоялась. Причиной тому было изменение официальной политики. В 1811 г. пронаполеоновская ориентация России трансформировалась в антифранцузскую. Финальным актом поворота явились отставка М.М. Сперанского в марте 1812 г. и назначение А.С. Шишкова государственным секретарем. В этой обстановке космополитические идеи Уварова, ориентированные на французские образцы, становились неактуальными, а практическая цель, открытие Азиатской академии, отступала в тень перед угрозой новой войны и необходимостью подготовки к ней.

Не было однозначным и отношение Жуковского к переводимому тексту. В письме к А.И. Тургеневу от 4 декабря 1810 г. он высказал серьезные сомнения в своевременности и возможных результатах уваровского проекта. Прежде всего, его настораживал космополитизм автора, не вполне сочетавшийся с программой развития отечественной словесности, проводимой «Вестником Европы»: «Мне приятно было узнать его (Уварова. – В.К.) со стороны его сведения, и он должен принадлежать, если не ошибаюсь, к числу необыкновенных людей из русских. Жалею только об одном: он разделяет, как видно, со многими несчастье предубеждения против всего русского и лучше соглашается не быть оригинальным на французском языке, ежели унижить талант свой до русского и быть отличным писателем русским (если только NB он хочет быть писателем, на что, кажется, дают ему право его хорошие сведения, между русскими необыкновенные)» [4. С. 81].

Сама идея Азиатской академии также мыслилась Жуковским преждевременной, поскольку массивному обращению к чужому культурному опыту, собственно восточному или опыту европейского ориентализма, должно

предшествовать интенсивное развитие отечественной культуры. Эти приоритеты сформировались еще в рамках Дружеского литературного общества (речи Ан. И. Тургенева, А.С. Кайсарова) и реализовались в ходе издания «Вестника Европы», призванного консолидировать молодое поколение отечественных авторов, прежде всего карамзинской ориентации: «Что же касается до самого прожекта, то он делает честь изобретателю, но едва ли может быть очень полезен в России. Тогда бы, кажется, могли бы заниматься и с жарким рвением, и с верною пользою рассматриванием литературы азиатской (привлекательной только для любопытства людей ученых), когда бы уже стояли на высокой степени образования; но где же у нас образование и где ученость? <...> Это правда, что мы в сношении с такими народами, которые дошли уже до степени *пресыщения* в образовании умственном и которые необходимо должны требовать *нового* для того, чтобы оживлять умственную свою деятельность; но нам это *сношение* не дает еще права на равенство, и то, что может быть весьма полезно для наших соседей, то очень еще бесполезно для нас. В Германии например заведение Академии Азиатской привело бы все головы в движение; у нас займет оно несколько образованных голов, и то вероятно голов, покрытых немецкими париками, а всем вообще русским покажется странностию; и Академия Азиатская внутри России будет не иное что *для русских*, как храм, в котором совершаются таинства непостижимые и совершенно неприступные для профанов. И я опять уверен, что эта Академия, если она только будет основана, будет одно *пышное имя*, и что литература азиатская не может еще быть привлекательна для такого народа, который не имеет литературы *собственной*, очень поверхностно знаком с литературой французской и никакой идеи не имеет о древней, об английской и немецкой. <...> Мы хотим заводить Академию Азиатскую, а наша Русская Академия еще в колыбели! Не значит ли это, что мы уверены в своей зрелости; а эта уверенность не есть ли гибельное препятствие и самой возможности некогда сделаться зрелыми? Вот тебе мое мнение» [4. С. 81–82].

В отзыве Жуковского отразилось разное восприятие ориентализма. Для дипломата Уварова была очевидна его связь как с развитием российских колониальных проектов, так и с формированием национальной идеологии. Оба аспекта определялись жесткой конкуренцией европейских держав и в борьбе за колонии, и в отстаивании самостоятельности в ходе наполеоновских войн, вызвавших к жизни идеал национальных государств и инициировавших взлет национализма. Подспудный смысл «Проекта» – перенос конкуренции из Европы на Восток и превращение ее в интеллектуальное состязание, соревнование национальных просветительских программ – Уваров постарался прояснить в «*Pensées sur ce qu'une Grande Puissance unie à une Grande moderation peut effectuer pour le Bonheur de l'Humanité*» (написана в конце 1800-х гг.): «Мир еще достаточно обширен... Половина земного шара состоит из пустынь, из диких стран и народов, хотя и составляющих общества, но общества варварские. Могущественные государства станут создателями нового мира <...>» [6. С. 102]. Средством подобного влияния выступало развитие просвещения, системы образования и науки в метрополии и интенсивность цивилизаторских мероприятий в колониях.

Жуковский рассматривал русский ориентализм более локально, в сугубо культурной перспективе, с точки зрения запросов современной широкой публики. Эзотерические разыскания «нескольких образованных голов» в области азиатской словесности не способствовали, по его мнению, развитию национальной литературы, более заинтересованной в усвоении европейского опыта. Однако неспециализированный, «светский» ориентализм представлялся ему вполне законным и полезным. В этом Жуковский выступал продолжателем Н.М. Карамзина, который еще в «Московском журнале» начал знакомить широкую публику с переводами «Саконталы», образцами восточной поэзии, путешествиями на Восток.

Подобную программу продолжил и «Вестник Европы» в 1808–1811 гг., где восточные материалы занимали заметное место, отвечая интересу к национальному колориту. Здесь можно было найти и фрагменты путешествий («О нынешней Персии. Извлечение из Оливьерова путешествия в Персию» /1808. № 10/, «Воспоминания об Ост-Индии. Из Гафнерова путешествия по берегам Ориксы в Короманделе» /1809. № 20/, «О нравах арабов (Отрывок из Шатобрианова путешествия по Востоку)» /1810. № 10/ и др.), и очерки («Феллагы» /1808. № 5/, «О Персии» /1808. № 15/, «Нечто о начале войска янычарского» /1809. № 5/ и др.), и, наконец, обширный ряд «восточных» повестей и стихов («Молук и Нассур» Ж.Б.А. Сюара /1808. № 2/, «Песнь араба над могилою коня» /1810. № 7/, «Аместан и Меледин» А. Сарразена /1811. № 5/ и пр.). «Мысли о заведении в России Академии азиатской» выступили своеобразным итогом этого «восточного текста», чем в немалой степени был обусловлен внутренний интерес Жуковского к их переводу. И впоследствии «светский» ориентализм, посредником для которого являлась европейская литература в лице И.Г. Гете («Персидская песня»), Т. Мура («Лалла Рук», «Пери», «Песнь бедуинки»), Ф. Рюккерта («Рустем и Зораб», «Наль и Дамаянти»), был неперменной частью творчества Жуковского и объектом его интеллектуального внимания. Готовя переводы из восточной литературы он обращался и к сопутствующим источникам, однако, главным образом, для реконструкции национального колорита и без специальных научных целей [7. С. 519–524].

Публикация «Проекта» удостоилась целого ряда отзывов. Достаточно критическую оценку разысканиям Уварова дал А.И. Тургенев. В письме брату Сергею от 7 марта 1817 г. Тургенев констатировал: «Он, кажется, и сам не ясно знает, чего он хочет и какой цели старается достигнуть в отношении к Востоку. Я не примечаю в нем стремления к истинной пользе, а более жадность к бумажному бессмертию и к той славе, которую дают немецкие и французские ученые общества и книгописатели. Он легко переходит от одного образа мыслей к другому и от собственного убеждения к чужому» [8]. На это мнение, отразившее желание практических преобразований, а не только теоретических прокламаций, повлияли позднейшие филологические работы Уварова, посвященные древним экзотическим, по мысли Тургенева, авторам и темам – «Essai sur les mystères d'Eleusis» (1812, парижская редакция – 1816), «Nonnos von Panopolis» (1816), «Examen critique de la fable d'Hercule commentée par Dupuis» (1817) и др. Тем не менее в своих публичных выступлениях А.И. Тургенев разделял принципиальные положения уваровского

проекта, обращая внимание на необходимость знаний об Азии для развития Российской империи и ее системы просвещения (статья в «*Conservateur Impartial*» [9. С. 338–341]).

Как показала М.Л. Майофис, «Проект» Уварова оказал также значительное влияние на А.Н. Оленина и, косвенно, на позицию литераторов оленинского круга, в частности Н.И. Гнедича [10. С. 390–400]. Отзвуки уваровских идей чувствуются в брошюре А.Н. Оленина «Опыт о приделках к древней статуе Купидона, встягивающего тетиву на лук» (СПб., 1815), исходящей из положения о заимствовании форм древнегреческой культуры с Востока, где они до сих пор сохранились в мало измененном виде, в связи с чем исследование Азии есть аналог изучения классической Античности: «Итак, не в ее ли (Азии) пространных областях надлежит искать толкования многим обычаям, упоминаемым классическими авторами встречаемых нами в памятниках художества» (цит. по: [10. С. 392]).

В среде немногочисленных профессиональных российских ориенталистов «Проект» Уварова не вызвал особого интереса. По словам И.Ю. Крачковского, «никакого серьезного влияния на развитие нашего востоковедения высказанные здесь мысли не оказали» [11. С. 70], хотя само предложение об учреждении Азиатского общества или академии уже высказывалось (проект Г.Я. Кера) и было назревшей необходимостью, реализовавшейся в начинаниях профессора Казанского университета, а с 1819 г. директора Азиатского музея Х.Д. Френа (1782–1851).

Зарубежная научная аудитория откликнулась на «Проект» более активно. Рецензия на него была опубликована во французском «*Journal de l'Empire*» (11 avril 1811), находившемся под покровительством Наполеона. Отмечая принципиальную плодотворность «Проекта», рецензент указал в то же время на вторичность и дискуссионность высказываемых положений: «Русский камергер, г. Уваров, опубликовал проект Азиатской академии; идея прекрасна, но проект г. Уварова производит очень неопределенное впечатление: автор воображает, вместе со своим другом Фридрихом Шлегелем, что все знания и все языки к нам пришли из Индии». Автор немецкой рецензии, опубликованной в «*Göttingenische Gelehrte Anzeigen*» [12. С. 457–464], подробно изложил содержание брошюры Уварова, признав за автором несомненную заслугу в постановке основной цели – организации системного изучения Востока. Вместе с тем было высказано сомнение в возможности ее достижения в ближайшей перспективе, причем не только в России, но и в науке вообще, поскольку целый ряд областей требует еще длительных кропотливых исследований. Тем не менее Геттингенское ученое общество избрало Уварова своим почетным членом.

Серьезное развитие положения «Проекта» получили в рецепции И.В. Гете, которому 27 декабря 1810 г. автор лично отправил брошюру с сопроводительным письмом, где главной мыслью было то, что «пришло время и нам принять участие в современном великом движении всех идей, чтобы построить нашу культуру на прочной основе Востока» (цит. по: [13. С. 195]). Встретившись с активным интересом к восточной культуре самого Гете, эти начинания заслужили не только восторженное одобрение (см. ответное письмо: [13. С. 196–197]), но и продолжение – в виде статьи приват-доцента Йенского

университета Фридриха Мейера (1772–1818), прочтенной Гете и отправленной им Уварову. В статье намечалась схема организации Азиатской академии как научного и учебного учреждения, излагалась детальная программа предстоящих исследований, предполагалось участие ведущих иностранных специалистов, в том числе для проведения экспедиций (А.Ф. Гумбольдт), создание широкой корреспондентской сети и публикация научных трудов, в первую очередь исследований Ф. Шлегеля по санскриту. В итоге российская Академия должна была стать европейским центром востоковедения, что Ф. Мейер обосновывал особым положением страны, которая «вновь установит почти прерванную духовную связь обеих частей света <...>. Тем, чем были когда-то египтяне для народов в пределах Средиземного моря: мостом, по которому азиатская культура достигла до нас, – тем самым, только в еще более высоком значении, Россия может стать для Европы и Азии» [13. С. 200]. Хотя проект Мейера также остался нереализованным, концепция «России – нового Египта» отозвалась в дальнейших работах Уварова, а мысли последнего стали одним из стимулов работы Гете над «Западно-восточным диваном».

Развернутого рассмотрения удостоился «Проект» также со стороны Жозефа де Местра, который в письме от 26 ноября 1810 г. [14. С. 683–694] изложил автору свой взгляд на предмет. Одобрив его «хорошую дорогу» (критику материалистической философии XVIII в.), де Местр в то же время указал как на идеологически чуждые себе моменты (поиск источников и аналогий христианского учения на Востоке), так и на элементы дилетантского отношения, в частности на снисходительность к «покрытым пылью трудам». Де Местр привел целый ряд положений и научных работ ученых, главным образом XVII в. (Т. Хайда, Б. Гербело, Л. Мараччи, А. Кирхера, Т. Эрпениа и др.), проигнорированных автором, и обратил внимание на некритическое заимствование из источников, приводящее к тиражированию ошибочных гипотез (индийская астрономия в изложении Ж.С. Балли, интерпретация «Законов Ману», неучет сомнительной подлинности «Зенд-Авесты» и т.п.). Особую критику де Местра вызвало почтительное отношение Уварова к «библейской археологии», в том числе идеям И.Г. Гердера, разрушающее священный ореол Библии. Полемика о Гердере переросла в обмен письмами: в утраченном письме от 27 ноября 1810 г. Уваров, принимая многие фактические замечания оппонента по поводу своей работы, отстаивал обоснованность и философское значение гердеровских идей; де Местр 2 декабря выступил с разоблачением религиозной позиции Гердера [14. С. 694–698].

Таким образом, «Проект Азиатской академии», переведенный В.А. Жуковским, вызвал значительный резонанс в европейской и русской культуре, акцентировав внимание как на комплексе идеологических вопросов имперского национализма, так и на конкретные проблемы изучения Востока. К этим темам Уваров в развернутом виде вернулся в знаменитой речи при инициированном им открытии кафедры восточных языков в Санкт-Петербургском педагогическом институте (1818).

Литература

1. *Русский архив*. 1871.
2. *Русская старина*. 1896. № 10.
3. *Schmid G.* Goethe und Uvarov und ihr Briefwechsel // *Russische Revue*. XVII Jahrgang. 2 Heft. SPb., 1888.
4. *Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу*. М., 1895.
5. *Русский архив*. 1877.
6. <*Ouvaroff S.*> Pensées sur ce qu'une Grande Puissance unie à une Grande moderation peut effectuer pour le Bonheur de l'Humanité. SPb., 1813.
7. *Библиотека В.А. Жуковского в Томске*. Ч. 2. Томск, 1984.
8. ПД. Ф. 309. № 382. Л. 33 об.
9. *Conservateur Impartial*. 1818. № 78 (27 septembre).
10. *Майофис М.Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.
11. *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения: в 6 т. М.; Л., 1958. Т. 5.
12. *Göttingenische Gelehrte Anzeigen*. 23 März 1811. 47 Stück.
13. *Дурылин С.* Русские писатели у Гете в Веймаре // *Литературное наследство*. М., 1932. Т. 4–6.
14. *Степанов М.* Жозеф де Местр в России // *Литературное наследство*. М., 1937. Т. 29–30.